

Юрий НАЗАРОВ:

«Какая актерская судьба без сожалений?»

По количеству сыгранных ролей, а среди них немало значительных, Юрий Назаров вполне мог бы оказаться в какой-нибудь международной актерской «лиге чемпионов». Но стоило мне ему на это лишь намекнуть, как в ответ прозвучало самокритичное заявление:

— Может, я и ненормальный, но не гляжу на себя как на единицу мирового кинопроцесса. Ведь, чтобы заявить, что своим исполнением ролей, скажем, сержанта Уханова в «Горячем снеге», военрука в «Зеркале» или даже князей Великого и Малого в «Андрея Рублева» я весь мир осветил, надо иметь очень большое самомнение. А если еще обладать болезненной фанатерией: мол, «именно я и должен был сыграть в том фильме Гамлета, но мне не дали!» — можно просто загнаться. Какая актерская судьба без сожалений? У кого их не было? Но я всю жизнь просто старался делать дело, старался... И никогда не считал, что мой жизненный путь, моя судьба идеальны — хотя бы потому, что не шибко-то себя и актером считаю. Я ведь и в актерской братии, что называется, не в русле, почти диссидентом существую. Вот недавно Гильдия актерская фестиваль проводила, лауреатов всех «Созвездий» собирала, а мне никто не сказал: приходи, ты же ведь тоже лауреат. А ты мне про какую-то «лигу чемпионов» говоришь.

Актерство вообще очень странная вещь! Дочь моя училась на искусствоведа, им профессор говорил: «Самой яркой иллюстрацией феодализма в искусстве для меня является эпизод из фильма «Андрей Рублев» с братьями-князьями, которые вроде и мирятся, но один другому эдак на ножку наступает: знай свое место!» Так дочь мне: «Я чуть из шкуры не выскочила — это же папка мой!» А ведь там моего исполнительского — ничего. В сценарии эпизода этого не было, и родился он непосредственно перед камерой. Лобызались мы с дублером, который спиной князя Малого «играл», я лицом к камере стоял, и мне Андрей Тарковский тихонько: «Ну-ка, наступи ему на ножку-то, наступи. А ты, Вадим, — это уже оператору Юсову — камеру-то вниз опусти». Так и оказалось это «мое» озарение в фильме. А многого из того, о чем Андрей до съемки размышлял, и что я предлагал, не оказалось. Уж потом критики и мистики какую-то в том эпизоде находили, и «щипающие» выслушивали.

— В свое время в издательстве «Искусство» была почти готова к выходу ваша книжка «Только не о кино».

— Издательство, увы, скончалось. Тут я недавно был в Приморье и в застольном разговоре обронил: «Я обо всем, что в жизни видел, между прочим, книжку написал...» А мне в ответ: «Все типографские расходы за ваш счет, и книжка завтра будет на прилавках».

— А почему в названии ее «...не о кино»?

— Я там пытаюсь разобраться, откуда и как явился «Ю. Назаров». Вспоминаю о доме, о детстве, о друзьях — такое получилось «интервью с самим собой». Ну, а поскольку к кино все же был причастен, вспоминал дорогие мне роли. Андрея Тарковского, разумеется. Про «Маленькую Веру» рассуждал. Хотя я и получил за своего папку «маленькой Веры» награду (единственную, кстати, за многолетнюю мою киносиниографию) — вазу на «Созвездии», фильм этот называть любимым не могу. Он получился хитрым: картина нравится мне реализмом ковыряния в жизни, но там нет осмысления жуткой действительности, сломавшей этих людей. И вот в этой недоговоренности, в недоосмыслении получается ложь. Страшная жизнь, пьянство маленьких людей, задавленных грязными заводскими тру-

бами, а, между прочим, это ведь трубы «Азовстали», которые в войну Европу спасли! В фильме нет другого полюса — вот что главное. А в произведении искусства кроме темноты должен быть и свет. Вот в «Рублеве» — и ужас, и мрак, и жестокость есть, но есть и свет. В общем, за «Маленькую Веру» мне как-то даже стыдно. Правда, вазу на «Созвездии» получил.

— И все же, как, откуда появился Ю. Назаров?

— Мальчишкой я был сильно недоумен собственным детством, завидовал гайдаровским пацанам, Павке Корчагину. В окружавшей меня тогда послевоенной жизни мне не доставало героических ситуаций. Но сегодня я бесконечно горд принадлежностью к поколению «детей войны», возросшему в 73-й мужской средней школе города Новосибирска: два доктора наук, известный писатель Виктор Лихоносов — мой друг, с ним за компанию мы в 54-м и отправились в Щукинское поступать. Его не приняли, а из меня вроде бы не совсем бездарный киноактер получился. Всяко-разно, конечно, бывало, но своим детям я пожелал бы все-таки нашего детства: нашей любви, патриотизма, нашей дружбы, наших радостей. наших дней рождения. Как мы в мой день рождения, 5 мая, уезжали на велосипедах из Новосибирска на Обь-ГЭС. А это километров тридцать. Падали на мягкую травку в лесочке, валялись — восторг был! В лапту играли, в «чижика», футбол гоняли, да во что только ни играли, господа. А нынешние...

— Ваш витиеватый путь «в артисты» почти легендарным стал. Все так и было?

— Я всегда считал и по сию пору считаю, что искусство — это все-таки некая кафедра, с которой чтобы проповедовать, неплохо бы что-то и за душой иметь. А мне, когда мы с Витей решили в артисты податься, семнадцать было — дурак дураком, маменькин сынок, на тройки окончивший музыкальную школу. Страна тогда на целину звала, я тоже туда решил ехать. Но после девятого класса устроился рабочим сцены в наш новосибирский театр «Красный факел». Он уезжал на гастроли в Москву, а я очень хотел в столице с Шолоховым встретиться: мы все ему тогда верили. Да нет, он не в Вешенской, а в Москве, в Староконюшенном жил. Ну, прорвался я к нему сквозь челядь всякую (тогда еще не было охранников), выходит он на шум из глубины квартиры: «Что тут случилось?» «Михалалександрыч, — говорю, — не знаю, как жить дальше!» — «Учись, сынок, учись! Это говорит тебе человек, который никогда и ничему не учился. Учись! Глаза у тебя живые, крепкие». Может, действительно, у меня тогда глаза не суешили? Да они у меня и потом, по-моему, «не суешили». Поступил я в училище, а через полгода сбежал: там все было не так, как я хотел и мечтал, как я понимал «стремление к коммунизму». Уехал в Казахстан на строительство железнодорожных мостов, потом в стройконторе в Новосибирске работал, в сельхозинститут поступал, в Одесскую мореходку, в военное училище. Обивал пороги военкоматов, чтобы меня срочно в армию забрали. Я же в моряки мечтал, а в кино мне все почему-то артиллеристы доставались. Вот в толк до сих пор

не возьму, почему меня режиссеры так в военных ролях любят: я же сутулый, косоплечный какой-то. Правда, сапоги кирзовые, телогрейки обожаю, в них работаете не стесненно. А в девятнадцать пришла мне повестка: пора в армию. И чего-то меня зло взяло — я к вам два года просился, не брали, а теперь я и сам уже не хочу! Порвал повестку, взял у мамы 500 рублей и поехал в Щукинское «перепоступать».

Явился в училище: так, мол, и так, я — дезертир. На дворе июнь, никакого приема, естественно. Пошел я в Москве в армию сдаваться. Из военкомата послали в министерство обороны, где мне полковник объяснил, что надо ранний, потому что на целине урожай убирать надо, списки все укомплектованы, предложил подождать до августа. А в августе я уже бумагу принес, что учусь в театральном училище имени Щукина Бориса Васильевича. Так вот и пришлось мне артистом стать. Правда, когда училище заканчивал, опять в армию хотели забрать — у меня срок-то армейский еще не вышел. Но мы с женой уже ребенка ждали. А я бы с удовольствием послужить пошел — в кавалерийский полк, например.

В кино он начал с главной роли в фильме «Последние залпы». До этого, правда, промелькнул в массовках в «Рассказах о Ленине», в «Поэме о море». Но к диплому в училище у него уже была кинороль, о которой писали, что «немного-словного, не по годам жесткого капитана-артиллериста, Новикова молодой артист наделял характером живым, полнокровным, самоубийственным».

— На роль в «Последних залпах» меня, наверное, потому взяли, что я

совсем не был на артиста похож: нормальным, живым человеком был. На репетиции нашего дипломного спектакля «Вечер в Москве», где у моего постового целых восемь слов было, оказалась ассистент режиссера с «Мосфильма». Она, видимо, и обратила внимание на мой командирский тон, когда я первокурсниками распоряжался, — они нам декорации таскать помогали. Юрий Васильевич Бондарев, автор повести, приехал к нам на съемки в Закарпатье, посмотрел, как я португалью ношу, как с оружием обращаюсь, команды расчета отдаю, и говорит: «У меня ощущение, что мы с тобой служили». Вот с тех пор, считай, почти сорок лет я «служу» в армии: сержанты, старшины, даже генералом довелось побывать. Во время съемок «Последних залпов» это была армия, уважение вызывавшая. А с годами... Перед кем я только ни выступал: перед академиками, колхозниками. Со всеми общим языком находил, чувствовал, что меня слышат и понимают. А вот с кем не удавалось контакта найти — глухое непонимание! — так это с шестиклассниками. Со временем до уровня шестиклассников и армия опустилась. Во Владивостоке видел стоящую у причала подводную лодку — последняя модификация, ей американцы дали прозвище «киллер», неуловимая она какая-то. Так на этой лодке ни аккумуляторов уже... Болтается железка проспиртованная на привязи. Вот какие мои последние впечатления от армии.

— После Щукинского училища вы три года в театре Ленинского комсомола прослужили.

— Я ведь тогда и театр, и кино опять бросать собирался — такая вот

у меня судьба дурацкая. Вот, думаешь, я сегодня тоскую без актерской работы? Не-е-е... Я пишу с удовольствием и с потрохами весь там! И меня безработица актерская не угнетает, бог знает почему. А в то время я вообще из лицедейства на сторону глядел. Тут-то как раз в театр и пришла «указивка» о сокращении штатов. Артисты ведь — ну кто на последних ступеньках стоит — всегда дергаются при слове «сокращение», а тут всех осенило: у нас же Назаров все никак не решит, что и где ему нужно. И меня уволили. К тому времени у меня уже картин пять было с главными ролями, а я экзамены в институт инженеров водного транспорта сдавать начал. Правда, стали звонить со студий, большие роли предлагать, ставки повысили, а я лежу и думаю: двадцать пять лет ведь дураку, в технике — баран полный, может, остаться в артистах все же? Остался. В штат Театра Киноактера взяли...

— ...из которого через три десятка лет по «сокращению штатов» же и уволили.

— С предоставлением должности билетера-гардеробщика или уборщика — учти, на выбор! Демократично так, милосердно и благотворительно! На артиста учился, диплом имею, а тут без экзаменов — садись. И ношусь сейчас, как «бешеный таракан» (назвали меня так как-то), предлагаю себя. Хотя и не умею собой торговать, но время-то рыночное! Работать, правда, приходится все больше на общественных началах: снялся в Свердловске, за съемки нашли чем заплатить, а за озвучивание... Рассказывал по телевидению сказки — обещали 600, а заплатили 60 долларов. У меня спина когда-то сломана была, тянет частенько, какой-то магнитно-ядерный резонанс делать надо. Звоню. «Это стоит 800 рублей!», — говорят. А у меня пенсия 400. «Ну, что, — спрашиваю, — можно теперь подыхать?» Гы-гы-гы — в ответ. Вот такая она, судьба.

— Вы, Юрий Владимирович, все судьбу поминаете. В гороскопы заглядываете, чтобы ее узнать?

— Нет. Знаю, что Телец по знаку зодиака, по восточному — тоже, так что я — двойной бык. Но вообще-то я материалист, такой стихийный диалектик, во все предсказания не шибко верю. В этом смысле я весь в свою бабушку, Анастасию Васильевну Шарловскую — светлую, ненаглядную мою бабучечку. С отличием окончила высшие московские женские курсы, типа бестужевских, ни в приметы не верила, ни в гадания — материалистка была стихийная. В юности ко мне пристала как-то цыганка: «Давай погадаю». А я ей: «Вот я тебе сейчас совершенно точно скажу, кто тебя примерно через полчаса забрет». Исчезла. И, видимо, сказала другим, чтоб ко мне не подходили. Без «потусторонних» сил сделать бы в своей жизни то, что надо.

— Юрий Владимирович, про семью расскажете? Говорят, вы своих детей в кино пристраиваете.

— Сложная у меня семья, неохватная. Пятеро детей от двух жен, внуки, зятья. Кошка в доме есть, собака, но ведь животных в городе держать — баловство это. Они на свободе должны жить. А насчет «пристройства» детишек... Дочка моя ВГИК закончила, в звезды особо не выбилась, но в фильмах двадцати снялась. Сейчас безработная. Начинать сниматься вместе со мной, когда ей лет шесть было. Теперь младшая в артистки захотела, мы с ней в фильме «Будулай, которого ждут» играли. Между прочим, они со старшим внуком ровесники.

Беседовал
Геннадий СУХИН

Экран и сцена. —
доф. — июнь (н.д.) —
9/16.